

Белова Ирина Борисовна

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И МЕРЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ИХ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ

В статье автор рассматривает процесс репатриации русских военнопленных, выделяя два способа их возвращения из плена – так называемый "самотёк" и планомерный, осуществляемый правительством. На основе новых архивных материалов на примере Центральные губернии Европейской России анализируется реализация решений Советского государства об оказании финансовой, продовольственной и других видов помощи вернувшимся из плена, а также причины недостаточности этой помощи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 24-28. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье автор рассматривает процесс репатриации русских военнопленных, выделяя два способа их возвращения из плена – так называемый «самотёк» и планомерный, осуществляемый правительством. На основе новых архивных материалов на примере Центральных губерний Европейской России анализируется реализация решений Советского государства об оказании финансовой, продовольственной и других видов помощи вернувшимся из плена, а также причины недостаточности этой помощи.

Ключевые слова и фразы: русские военнопленные; Первая мировая война; Центральная коллегия по делам пленных и беженцев; планомерный обмен военнопленными; стихийное движение военнопленных; паёк; вещевое довольствие.

Ирина Борисовна Белова, к. ист. н.

Кафедра отечественной истории

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

irina-25.01@mail.ru

**ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
И МЕРЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ИХ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ[©]**

Проблема возвращения на родину русских военнопленных Первой мировой войны нашла отражение в работе современника событий, управляющего Российским комитетом Красного Креста, члена Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными Н. Н. Жданова [21]. Он выделил 6 периодов военного плена, осветил вопросы создания и работу Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий до германской капитуляции. Советский историк А. А. Мальков посвятил свое исследование агитационно-пропагандистской деятельности большевиков среди возвращавшихся на родину военнопленных русской армии [24]. И. А. Жданова, анализируя процесс возвращения русских военнопленных в 1918-1919 гг., констатирует бедственное положение военнопленных, самостоятельно добравшихся в ноябре 1918 г. до Москвы [22, с. 66]. О. С. Нагорная в главе, посвященной массовому стихийному движению русских военнопленных, начавшемуся в ноябре 1918 г., характеризует его как бегство домой изголодавшихся людей, а не как стремление в Советскую Россию для продолжения дела, начатого рабочим классом [25, с. 385]. Автор даёт отрицательную оценку организации приёма и размещения возвращавшихся русских военнопленных [Там же, с. 335]. В. Л. Телицын, обозначив проблему, связанную с возвращением русских военнопленных на родину, в книге «Возвращение домой: к истории русских военнопленных Первой мировой войны» [28], привел в качестве своих выводы из вышеназванной работы Н. Н. Жданова [21, с. 7-11, 81-81, 88] о 6 периодах русского военного плена и о том, что делу помощи военнопленным царским правительством не придавалось государственного значения [28, с. 157-159].

После февраля 1917 г. с целью объединения усилий общественных организаций и государственных структур в деле помощи военнопленным при Главном управлении Российского общества Красного Креста был создан Центральный комитет по делам военнопленных. В октябре-ноябре 1917 г. на очередной международной конференции в Копенгагене между Россией и Центральными государствами были согласованы правила по содержанию, управлению и организации помощи военнопленным [21, с. 53]. В апреле 1918 г., после заключения Брестского мирного договора, для планомерного обмена военнопленными была создана Русско-Германская смешанная комиссия, а в июле-августе 1918 г. – Русско-Австрийская и Русские комиссии попечения о пленных на территории Германии и Австро-Венгрии [Там же, с. 118-122].

Декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) от 23 апреля 1918 г. в составе комиссариата по военным делам для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами военных и гражданских пленных, заложников и беженцев, была учреждена Центральная Коллегия по делам о пленных и беженцах (Центропленбеж), открывшая затем свои органы на местах. Коллегия назначалась СНК и имела право доклада непосредственно СНК, её решения были обязательны для всех ведомств РСФСР. С мая 1919 г. Центропленбеж перешел в состав Наркомата внутренних дел на правах самостоятельного отдела. В феврале 1920 г. Центропленбеж был реорганизован в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак), в задачи которого вошли все людские перевозки, кроме военных.

Решением, принятым 21 июня 1918 г., СНК установил, что Центропленбеж призван оказывать помощь возвращающимся русским военнопленным без отклонений в состоянии здоровья до времени их водворения, а больным и инвалидам – до передачи их органам государственного призрения [13, с. 462-463]. В период планомерной реэвакуации с июля-августа до ноября 1918 г. Центропленбежем было зарегистрировано 181 375 вернувшихся в Россию русских военнопленных [24, с. 192].

Ноябрьские революционные события в Австро-Венгрии и Германии нарушили начавшуюся планомерную работу по обмену военнопленными и способствовали массовому стихийному движению русских военнопленных из этих стран, продолжавшемуся до февраля-марта 1919 г. В связи с возникшим массовым

стихийным движением В. И. Ленин 23 ноября 1918 г. утвердил циркуляр Центропленбежа, подтверждавший полномочия этой организации как высшей инстанции, ведающей делами военнопленных. Все ведомства и учреждения обязывались оказывать Центропленбежу и его органам на местах самое широкое и решительное содействие. Были также утверждены сверхсметные ассигнования в размере 35 млн рублей [14, с. 57-59]. По поводу стихийного движения русских солдат Ленин, выступая на рабочей конференции Пресненского района Москвы 14 декабря 1918 г., говорил о двух миллионах голодных людей [23, с. 382]. Центропленбежем называлась другая цифра – 1,5 млн человек [6, д. 16, л. 205].

По современным данным, численность русских военнопленных составила 2 417 тыс., до 1918 г. прибыли из плена 715 тыс. инвалидов и 60 тыс. бежали из лагерей [27, с. 630], всего 775 тыс. (32%). Таким образом, на начало 1918 г. в плену оставались 1 642 тыс. (68%). Умерли в плену – 190 тыс.; остались в Европе – 195 тыс., вернулись в Прибалтийские государства – 215 тыс. [Там же], вместе 500 тысяч (21%) русских военнопленных. Как видим, в Советскую Россию могли вернуться не более 1 142 тыс. (47% от 2 417 тыс.).

К началу 1920 г., по данным Центропленбежа, за границей находилось около 400 тысяч (16,5%) русских военнопленных [10, д. 107, л. 67]. Отсюда следует, что за 1918-1919 гг. в Россию вернулись 742 тыс. (31%) русских военнопленных, из них по обмену до ноября 1918 г. – 181 375 (7,5%). Остальные 560 625 (23%) военнопленных возвращались в Россию самостоятельно, так называемым самотёком, либо организованно в результате вступления в Белую армию. Стихийное движение военнопленных наглядно иллюстрирует радиogramма австро-венгерского военного министерства от 30 января 1919 г.: «До ноября 1918 г. русские военнопленные при отправке на родину снабжались одеждой, продовольствием и документами... После свержения монархии военнопленные самовольно в массовом порядке ушли из лагерей и с мест своей работы, не дожидаясь организованной отправки на родину и не считаясь с соответствующими предписаниями» [17, с. 89].

В январе 1919 г. при продлении соглашения о перемирии между странами Антанты и Центральными державами в условия перемирия была включена дополнительная статья, согласно которой устанавливался непосредственный контроль стран Антанты над возвращением на родину русских военнопленных из Германии. Для этого была создана межсоюзническая комиссия [Там же, с. 733-734]. В апреле 1919 г. Совет 5 министров иностранных дел Великобритании, Франции, Италии, Японии и США принял решение отправлять русских военнопленных «в те русские области, возвращение в которые допустимо по экономическим и политическим условиям», то есть области, не контролируемые Советским правительством. Например, представитель США Гувер 18 июля предложил направить 25 тысяч военнопленных для усиления «русской северной армии» и 40 тысяч – Деникину. В октябре 1919 г. в комиссию для контроля над русскими военнопленными были включены представители Германии и Белого движения [Там же]. В 1919 г. обмена военнопленными между Советской Россией, с одной стороны, и Германией и её бывшими союзниками – с другой, не производилось.

12 февраля 1920 г. было подписано Соглашение с Великобританией об оказании помощи в деле морского транспорта для возвращения на родину русских военнопленных из стран Европы – Дании, Голландии, Бельгии, Швейцарии, куда они бежали из германских лагерей для военнопленных. Кроме того, Британское правительство обязалось признавать всякую договорённость между Советским и Германским правительствами [Там же, с. 311-312, 329, 364-367]. Такое Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных было подписано в Берлине в апреле 1920 г. В Копенгагене в апреле было заключено аналогичное соглашение с правительством Италии, в мае – с правительством Венгрии [Там же, с. 459-462, 485-486, 539-541], в июле – с правительством Австрии [18, с. 12-13]. Несколько позже, 5 июня 1922 г., был заключен Временный договор РСФСР с Чехословацкой республикой [19, с. 441]. Последний бесплатный транспорт репатриантов оттуда был отправлен 8 марта 1923 г. на Украину [20, с. 389-390].

С начала массового стихийного наплыва русских военнопленных приказом Центропленбежа от 15 ноября 1918 г. на его местные органы – губернские и уездные коллегии по делам пленных и беженцев (губ- и уездпленбежи) – была возложена карточная регистрация возвращавшихся из плена русских солдат [3, д. 12, л. 32]. К примеру, в Рязанскую губернию за лето 1918 г. возвратилось 50 военнопленных, а за один только месяц (с 15 декабря) 1918 г. – 2 343 [12, д. 57, л. 2, 14]. Уездпленбежам предписывалось широко оповещать население о необходимости регистрации и получения билета военнопленного всеми возвратившимися из плена, так как только при этом условии они смогут обращаться за получением жалования за время нахождения в плену, бесплатной медицинской помощи и других видов государственной помощи.

С карточной регистрацией военнопленных в Центральные губернии Европейской России возникли проблемы по причине недостатка регистрационных карточек, ощущавшегося ещё до массового стихийного наплыва русских военнопленных [9, д. 43, л. 2]. Так, Тульский Губпленбеж не ручался за точность учёта военнопленных ввиду отъезда многих по домам без регистрации, в том числе из-за отсутствия упомянутых бланков [10, д. 36, л. 38]. С выдачей билетов военнопленного дело обстояло не лучше: практически повсеместно в уездпленбежах не хватало бланков этого документа, которые в крайне недостаточном количестве выслались Центропленбежем. Например, Рязанский Губпленбеж на 15 сентября 1918 г. не получил от Центропленбежа ни регистрационных карточек, ни билетов военнопленного [12, д. 57, л. 2 об. - 3]; в Мещовском уезде Калужской губернии при наличии 1,5 тыс. зарегистрированных к марту 1919 г. по этой причине билеты военнопленного смогли выдать лишь 500 из них (33%) [2, д. 3]. В апреле 1919 г. Центропленбеж принял решение регистрировать военнопленных, прибывших на места без регистрации на одном из головных пунктов приёма военнопленных, только в Губпленбежах и билет военнопленного выдавать также в Губпленбежах всем военнопленным при наличии у них регистрационной карточки. Приказ вместе с инструкцией вводился в действие по истечении недельного срока со дня получения их Губпленбежами [11, д. 2, л. 112]. Например, уездпленбежи

Калужской губернии перестали выдавать билеты военнопленного лишь с июля 1919 г., они заполняли только регистрационные карточки, в обмен на которые Губпленбеж выдавал им билеты военнопленного для вручения на месте [2, д. 80]. В Тарусском уезде Калужской губернии из 835 зарегистрированных военнопленных на сентябрь 1919 г. билет военнопленного имели 534 человека (64%) [3, д. 12, л. 364 об.]. Выдача билетов военнопленного продолжалась по 1922 г. включительно. С января 1923 г. возвращавшиеся на родину бывшие русские военнопленные на общих основаниях в органах милиции получали лишь вид на жительство [5, д. 1, л. 14].

Согласно постановлению СНК от 16 ноября 1918 г., бывшие военнопленные получили право на денежное довольствие. Сумма, причитающаяся каждому военнопленному, не должна была превышать 1,5 тыс. рублей. Семейства военнопленных с 1 января 1918 г. до возвращения из плена приобрели право на получение половины содержания, установленного военнопленным. Воинам-инвалидам, сверх денежного довольствия за время плена, были установлены единовременные пособия в размере 25 рублей – «полуинвалидам» и 50 рублей – «полным» инвалидам. В 1920 г. единовременные пособия бывшим военнопленным – инвалидам были отменены [16, с. 45-46].

На местах денежное довольствие за время плена выдавали военные комиссариаты, аванс в 40 рублей в счёт этого довольствия и единовременное пособие воинам-инвалидам – уездпленбежи. На практике эти выплаты бывшие военнопленные чаще всего не имели возможности получить беспрепятственно из-за отсутствия денежных средств в вышеупомянутых организациях. Так, в Жиздринском уезде Калужской губернии с лета 1918 г. за год было зарегистрировано 4 550 вернувшихся из плена, из них аванс выдали лишь 1 749 чел. (38%) [3, д. 12, л. 187]. Мещовский уездпленбеж не имел средств для выдачи аванса с мая 1919 г., хотя лишь в августе 1919 г. Центропленбеж уведомил о приостановке этой выплаты, а в апреле 1920 г. – об её отмене [2, д. 2].

В день регистрации в местных органах Центропленбежа бывшие русские военнопленные имели право получить паёк (хлеб, чай, сахар, вобла), установленный Декретом СНК от 14 декабря 1918 г. [3, д. 23]. Для этого уездпленбежам со складов местных Губпленбежей должны были отпускаться продукты. Сухой паёк состоял из 400 г хлеба, 100 г рыбы, 1 г чая, 25 г сахара. С декабря 1920 г. паёк состоял из 400 г хлеба, 400 г картофеля, 25 г сахара, 12 г соли, 4 г суррогата кофе. Хлеб разрешалось частично заменять картофелем: 100 г хлеба – на 200 г картофеля. Из-за частого отсутствия продовольствия военнопленные не могли получить паёк [4, д. 4]. С 1 октября 1921 г. уездные органы Центрэвака (новое название Центропленбежа) совсем прекратили выдачу продовольственных пайков [Там же, д. 5].

При катастрофической ситуации с продовольствием и обмундированием их учёт и хранение на складах Губпленбежей были организованы крайне неудовлетворительно, о чём говорят материалы проверок местных контролирующих органов [6, д. 119, л. 359]. Например, в Калужском Губпленбеже в июне 1919 г. были выявлены факты отпуска муки и выпеченного хлеба без проведения их по приходно-расходной книге. В мае 1919 г. там было «незаприходовано» 33 пуда муки, а половина всего имущества вообще не значилась в описи, 9 пудов хлеба оказались непригодными к употреблению даже скоту и были уничтожены комиссией. Только после ревизии встал вопрос о составлении «инструкции по правильному ведению хозяйственного дела». Начальник Губпленбежа вынужден был признать, что «хозяйственная часть управления находится в бесхозном состоянии» [3, д. 12, л. 362 - 362 об.]. Хранение продуктов на складах уездных пленбежей было поставлено не лучше, чем на губернских. Внезапные проверки выявляли порчу и недостачу, а также излишки продуктов. Недостачу муки всегда объясняли «крысоедом», рыбы – «утечкой рассола» [4, д. 5]. Недостача продовольствия обнаруживалась и при первом осмотре поступавших на склад продуктов, например, сотрудники Рязанского Губпленбежа утверждали, что такая «недостача имела хронический характер» [9, д. 43, л. 26 - 26 об.].

Говоря о вещевом довольствии возвращавшихся русских пленных, надо отметить, что получить что-нибудь из обмундирования в уездпленбежах было так же непросто, как и остальное довольствие. Причина состояла в его отсутствии или недостатке, поэтому стать обладателем набора обмундирования было практически невозможно [6, д. 25, л. 24]. А между тем все пленные были «голы и босы» [3, д. 21]. В этой ситуации самым неимущим волисполкомы стали выдавать удостоверения, а пленные – давать подписки, что никто из них нигде ранее никакого обмундирования не получал. В Орловской губернии в 1918 г. такие удостоверения выдавали комбеды [7, д. 2, л. 58]. Получить удостоверение не означало получить обмундирование. Некоторые бывшие военнопленные, зарегистрировавшиеся в своих уездах, пытались обзавестись обмундированием в Губпленбеже. Однако там они получали только «разъяснения», но не обмундирование. При этом «разъяснения» получали и уездпленбежи, что им «ни под каким видом» не следует направлять бывших военнопленных в Губпленбеж, а требовать от волостных Советов выдачи «объективных удостоверений» об имущественном положении военнопленных и разъяснять, что «обмундирования для всех просто нет из-за сложного экономического положения молодой Советской республики» [3, д. 21].

Бедственное положение с обмундированием вынуждало уездные пленбежи просить волостные Советы о прекращении выдачи удостоверений о нуждаемости в обмундировании. Например, на заявление бывшего военнопленного Г. Лосева, имевшего семью из 9 человек, у которого не было ничего из одежды, была наложена резолюция: «Пусть явится... и получит только один пиджак» [Там же]. Большинство военнопленных так и не получило никакого обмундирования вплоть до призыва в Красную Армию, объявленного в мае 1919 г., когда Совет Обороны предписал призывать всех бывших русских военнопленных, сверстники которых уже были призваны в Красную Армию, но не ранее истечения двухмесячного срока после их возвращения из плена [15, с. 181-183]. В этот период местным отделам продовольствия и снабжения было рекомендовано «все предметы снабжения, причитающиеся населению по общей развёрстке», выдавать в первую очередь военнопленным, которые не получили никакого обмундирования по приезде из плена [1, д. 1, л. 49 - 49 об.].

Поскольку многие пленные являлись в уездные коллегии прямо с вокзала «раздетыми и босыми», их не могли отправлять по домам в таком виде в сильные морозы и были вынуждены держать при уездных коллегиях по нескольку дней, «до более тёплого времени» [3, д. 21]. По этой причине, например, в Мещовском уезде Калужской губернии в декабре 1918 г., по инициативе уездного Совдепа, проводилась реквизиция тёплой одежды и обуви «у некоторых граждан Мещовска». В Мосальском уезде к 20 февраля 1919 г. зарегистрировались 1351 человек, из которых частично получили обмундирование 521 человек (38,6%) [Там же]. Рязанский Губпленбеж в декабре 1918 г. обязал волостные советы оказывать помощь возвращавшимся русским военнопленным «местными средствами» по причине «затруднительности центра в финансовом отношении и недостачи обмундирования и обуви», например, перевозку «из села в село до места жительство» предписывалось организовать посредством «натуральноподводной повинности». При этом «подводчики должны иметь с собою тулупы или другую теплую одежду», так как пленные не были снабжены теплым платьем и обувью. Ночлег для пленных «должен быть у населения в виде натуральной повинности». Губернским и уездным продовольственным организациям из отпущенных Центром средств надлежало готовить продукты. Питательные пункты следовало открывать только в крайнем случае при станции, так как приготовление пищи «население сёл должно принять на себя» [11, д. 4, л. 13].

С 1920 г., когда возобновился обмен военнопленными, положение с выдачей вещевого довольствия не улучшилось [4, д. 75, 79, 80]. В сентябре 1921 г. Губернские управления по эвакуации населения (Губэваку) обязали уездэваку не позднее 1 октября 1921 г. передать им обмундирование и продовольствие. Возвращавшихся пленных при необходимости следовало направлять в Губэваку с отношением, в котором указывать, что требуется выдать.

Для определения права на пенсию, лечение, снабжение протезами бывшие русские военнопленные проходили медицинское освидетельствование. Процесс оформления пенсии длился от 3-4 месяцев до 1 года [3, д. 15, л. 26, 45, 78, 105].

В мае 1922 г. Центрэвак объявил об окончании работ по возвращению из-за границы бывших русских военнопленных и расформировании в связи с этим своего подотдела по учёту русских военнопленных [8, д. 18, л. 106]. За 10 месяцев 1922 г. в Россию возвратились, по данным Центрэвака, 3 580 бывших русских военнопленных [10, д. 85, л. 4]. С 1 января 1923 г. Центрэвак прекратил своё существование. Последние лагеря русских военнопленных в Германии были распущены летом 1922 г. Тех, кто не воспользовался отправкой на родину, перевели на самостоятельное содержание [25, с. 181]. Согласно постановлению Президиума ЦИК от 13 ноября 1925 г., все находившиеся за границей, пропустившие в установленные сроки регистрацию без уважительной причины, признавались утратившими советское гражданство [26, с. 25].

Таким образом, после заключения Брестского мира обмен военнопленными начался в конце лета 1918 г. и продолжался до ноября 1918 г. В результате в Россию возвратилось более 180 тыс. (7,5%) военнопленных русской армии из остававшихся в плену на начало 1918 г. более 1 600 тыс. Массовое стихийное движение военнопленных, начавшееся в ноябре 1918 г. по причине революционных событий в Австро-Венгрии и Германии, продолжавшееся до февраля-марта 1919 г., способствовало самостоятельному возвращению в Россию около 600 тыс. (23%) русских военнопленных, а также оседанию небольшой их части в Дании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Франции. В 1919 г. обмена военнопленными не производилось. Антанта установила контроль за русскими военнопленными в лагерях Германии, несмотря на протесты Советского правительства. К началу 1920 г. за границей находилось около 400 тыс. (16,5%) русских военнопленных, которые возвращались в Советскую Россию вплоть до 1925 г. после заключения соответствующих соглашений. Как видим, в основном за несколько месяцев 1918 г. самотёком в Советскую Россию вернулось столько же русских военнопленных, сколько их было возвращено в плановом порядке усилиями советских государственных структур за несколько лет, с 1918 по 1924 гг.

Центропленбеж ещё до начала массового стихийного движения русских военнопленных не обеспечил свои органы на местах бланками введённых им новых документов. Это отражалось на качестве учёта военнопленных и затрудняло получение ими государственной помощи. Последняя оказалась малодоступной для русских военнопленных, возвращавшихся на родину, так как декреты СНК о государственной поддержке имели декларативный характер, не получив соответствующего финансового обеспечения.

Список литературы

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-328. Оп. 1.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-337. Оп. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р-2237. Оп. 1.
5. ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1.
6. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-378. Оп. 1.
7. ГАОО. Ф. Р-472. Оп. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3333. Оп. 1.
9. ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2а.
10. ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4.
11. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-547. Оп. 1.
12. ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2.
13. Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2.
14. Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4.

15. Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5.
16. Декреты Советской власти. М., 1978. Т. 9.
17. Документы внешней политики. М., 1958. Т. 2.
18. Документы внешней политики. М., 1959. Т. 3.
19. Документы внешней политики. М., 1961. Т. 5.
20. Документы внешней политики. М., 1962. Т. 6.
21. Жданов Н. Н. Русские военнопленные в Мировой войне 1914-1918 гг. М., 1920. Часть I, II и III. 376 с.
22. Жданова И. А. Организация возвращения российских пленных в 1918-1919 годах // Российская история. 2011. № 4. С. 63-72.
23. Ленин В. И. Речь на рабочей конференции Пресненского района 14 декабря 1918 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд-е 5-е. М., 1969. Т. 37. С. 370-383.
24. Мальков А. А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915-1919 гг. Казань, 1971. 271 с.
25. Нагорная О. С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии. М., 2010. 440 с.
26. Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920-1930-е годы): сборник документов и материалов / сост. З. С. Бочарова. М., 2004.
27. Степанов А. И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 1. С. 624-643.
28. Телицын В. Л. Возвращение домой: к истории русских военнопленных Первой мировой войны. М., 2011. 160 с.

RETURN OF RUSSIAN PRISONERS OF WAR TO NATIVE LAND AND SOVIET STATE MEASURES FOR THEIR MATERIAL SUPPORT

Irina Borisovna Belova, Ph. D. in History
Department of Native History
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovskii
irina-25.01@mail.ru

The author considers the process of the Russian prisoners of war repatriation, emphasizing two ways of their return from captivity - the so-called "drift" and the planned one, carried out by the government, and basing on new archival materials by the example of the Central Provinces of European Russia analyzes the implementation of the soviet state decisions on financial, ration and other assistance for those, who returned from captivity, as well as the reasons of this assistance insufficiency.

Key words and phrases: Russian prisoners of war; World War I; Central Board for Prisoners and Refugees; planned exchange of prisoners of war; spontaneous movement of prisoners of war; ration; clothing allowance.

УДК 316.42:35

Социологические науки

В статье представлены результаты социологического исследования, посвящённого проблемам управления транспортной инфраструктурой города Белгорода. Дана оценка уровню развития и определены современные проблемы функционирования транспортной инфраструктуры. Показана роль системы общественного транспорта в повышении эффективности транспортной структуры в целом. Основываясь на мнениях респондентов, были предложены пути повышения эффективности транспортной инфраструктуры города.

Ключевые слова и фразы: транспортная инфраструктура; управление; пространственное развитие; общественный транспорт; личный автотранспорт; город; пропускная способность.

Дмитрий Викторович Богат

Кафедра социальных технологий
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
bogat@bsu.edu.ru

Татьяна Анатольевна Полякова, к. геогр. н.

Кафедра природопользования и земельного кадастра
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
polyakova_t@bsu.edu.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРОЙ ГОРОДА В РАМКАХ ЕГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ[©]

Статья подготовлена при поддержке проекта «Управление региональной социальной политикой на основе технологии инновационного проектирования» в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (ГК № П582 от 18.05.2010).

Система транспорта - это один из основных элементов пространственной организации города. Задачей транспортной инфраструктуры является взаимосвязь между функциональными элементами города (жилимыми